

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЭТНОГРАФИИ

Владимир Викторович ПОДМАСКИН,
кандидат исторических наук

В традиционной культуре любого этноса есть много явлений, сложных по своему происхождению, составу входящих в них элементов и разнообразию выполняемых функций. Таким примером является один из феноменов этнической культуры — народные знания. Изучение народных знаний приобретает в наши дни особое значение, так как всемирный процесс интернационализации культур увеличивает опасность утраты богатого уникального опыта того или иного этноса. Эта проблема интересует многих ученых: философов и историков, археологов и этнографов. Историко-этнографический аспект касается первого появления изучаемых фактов в культурных традициях, философский — рассматривает сущность и функции традиционного опыта, мотивированного общими свойствами сознания.

Ученые, стремившиеся познать этнос как целое, создать монографическую картину его традиционной жизни, включали в поле исследования народные знания. Отечественные этнографы Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер, Н.Н. Миклухо-Маклай, Г.Н. Потанин, В.И. Иохельсон, Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз, Б.О. Пилсудский, Л.И. Шренк, В.К. Арсеньев, С.М. Широкогоров, Е.А. Крейнович и др. рассматривали их как неотъемлемую часть всей этнографической действительности и, следовательно, как непреходящую сферу этнографических поисков. Аналогичную картину можно наблюдать и в зарубежной науке — достаточно напомнить имена Л.Г. Моргана, Ф. Боаса, Э.Б. Тайлора, Д.Д. Фрэзера и многих других. В современной отечественной этнографии имеется теоретико-методическая литература (см.: Бромлей Ю.В., 1981, с.211—232; Грипентрог Г., Руднев В.В., 1991, с. 72—73; Дмитриев В.А., Дмитриев С.В., 1991, с.45—47, 71—72; Путилов Б.Н., Штробах Г., 1991, с.5—19), где представлен терминологический и понятийный фонд по народным знаниям.

Вопрос о направленности, границах, основных задачах этнографических исследований в области народных знаний остается во многом дискуссионным и получает в современной науке различную трактовку как в общетеоретическом плане, так и в конкретной исследовательской практике. Чтобы обобщить материал теоретически, необходимо предварительно всесторонне изучить его исторически, а это можно сделать только на базе конкретных этносов. Этнографическое исследование проблемы еще целиком поглощено собиранием и критическим анализом материала.

Народные знания — явление весьма своеобразное, они чрезвычайно сложны, многолики, проникают во все сферы жизни этноса, определяют характер его мировоззрения. Древнегреческий философ Аристотель пришел к выводу, что «знание и понимание ради самого знания и понимания более всего прису-

щи науке в том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познания. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, — та, которая познает цели, ради которой подлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще — наилучшее» (Аристотель, 1976, с.68). Этнография широко пользуется терминологией, заимствованной из философии. К таким понятиям относится выделяемая особо группа общенаучных терминов. Слово «знание» широко употребляется в естественных и гуманитарных науках. Толкование его многозначно и зависит от сферы применения. Наиболее общее современное философское определение: «знание — проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» (Философский энциклопедический словарь, 1983, с.192).

В связи с этим возникает необходимость дать философское определение термину «народные знания», которые можно рассматривать как закрепленный в этнической традиции эмпирический опыт, добытый в результате культурной деятельности, и ранее пережитые восприятия (представления), составляющие основу мировоззрения. При этом опыт мыслится как процесс воздействия человека на внешний мир и как результат этого воздействия в виде знаний и умений. Понятие опыта совпадает с категорией практики в качестве эксперимента, наблюдения. На их основе формируется опыт как результат познания, включая совокупность исторически сложившихся знаний. Представления — продукт мышления, получаемый в результате культурной деятельности.

Для обозначения дисциплины, в рамках которой начинает исследоваться класс явлений в этнографической литературе, применяются «Народная медицина», «Народная астрономия», «Народная метрология» (см.: Путилов Б.Н. и Штрабах Г., 1991, с.9). Считаем, что использование научных терминов «медицина», «астрономия», «метрология» в качестве синонимов областей народных знаний к этносам, не имеющим в прошлом письменности и науки, нецелесообразно. Например, словосочетание «Народная медицина» можно заменить — «Народные способы диагностики и лечения болезней», «Народная астрономия» — «Народные знания о небесных телах», «Народная метрология» — «Народные знания о мерах и весах» и т.д.

Рассматривая данное явление культуры в его развитом состоянии, можно увидеть методологическую установку, которая содержится, как нам представляется, в известном положении К. Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» (Маркс К. и Энгельс Ф., 1958, с.731). Обе отмеченные установки нужно брать не в противопоставлении, а в диалектической сопряженности. Перед этнографом-полевиком, интерпретирующим полевые материалы, открывается широкое поле подхода с точки зрения достижений той или иной науки и применение той или иной терминологии.

При изучении народных знаний этнографы вынуждены опираться на данные различных научных дисциплин. В этом случае полезны консультации не только гуманитариев-смежников — философов, историков, фольклористов, лингвистов, искусствоведов и др., но и специалистов естественнонаучных дисциплин — врачей, экологов, фармацевтов, ботаников, зоологов, синоптиков, архитекторов и др.

Историки рассматривали народные знания как часть истории культуры и связывали их с бытом и социальными отношениями. В последнее время стали изучать только положительные знания, а также историю науки и техники. Считалось, что народные знания, являясь результатом опыта и наблюдений, развивались и обогащались с каждым новым поколением людей. Поэтому весьма

важно исследовать изменение роли традиционных знаний в жизни народов на различных этапах развития всемирно-исторического процесса. Историк В.О. Ключевский отметил: «Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой — устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, — словом, выработка человека и человеческого общежития — таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его культурой, или цивилизацией; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, истории культуры, или цивилизации» (Ключевский В.О., 1987, с.34—35).

Этот феномен культуры не поддается прямому наблюдению, и его можно реконструировать на основе изучения результатов той или иной осмысленной деятельности, связанной с представлениями о картине и модели мира, которые в свою очередь осмысливаются на основе совокупности данных этнографии, фольклористики, лингвистики и других гуманитарных и естественных наук.

В этнографии распространено мнение, согласно которому в «архаичном общественном сознании» существуют два потока представлений: один рациональный, адекватный окружающей действительности, и второй — иррациональный (Иорданский В.Б., 1982, с.24). Положительный слой относят к производящему хозяйству, технологии, противопоставляют его иррациональному, т.е. разного рода суевериям, магии, анимистическим взглядам, мифологии и т.п. (Дмитриев В.А., Дмитриев С.В., с.4—51).

Имеющиеся выводы позволяют говорить о том, что «фонд «точных», «рациональных» знаний о природе и человеке в обществе с преобладанием донатурного сознания характеризуется значительным богатством, детальной проработкой отдельных компонентов, но в каждом таком обществе он ограничен; реализуется в процессе жизнедеятельности с наименьшей осознанностью» (Дмитриев В.А., Дмитриев С.В., с.45). Некоторые исследователи выделяли в народных знаниях только «рациональный слой, подчиняли их производственному прагматизму. Между тем народные знания в первобытнообщинных коллективах связаны с формированием мировоззрения (см.: Подмаскин В.В., 1998).

Одно время в этнографии было принято описывать только «положительные знания». В повседневной жизни, а частично и в науке, был широко распространен взгляд на культуру «как на такое общественное явление, которое во все времена и у всех народов имело только прогрессивное положительное значение» (Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1971, с.242). Односторонний подход к истории культуры привел к недооценке ее роли в различные периоды развития человеческого общества. Мы согласны с мнением этнографа С.М. Широкогорова, когда он говорит, что «понимание явлений жизни так называемых диких, нецивилизованных народов возможно только путем установления и изучения происхождения самих явлений, так как объяснение их только с точки зрения рациональности совершенно недостаточно, а иногда и невозможно» (Широкогородов С.М., 1922, с.5).

А.Ф. Анисимов попытался на конкретных примерах показать даже борьбу двух начал в мировоззрении древних людей: «положительного опыта» и «иллюзорного представления» (Анисимов А.Ф., 1959а, с.88). Неоднократно отмечалось, что эти два потока сознания функционировали равноправно и выполняли различные действия по отношению к субъекту. Так, небесные светила служили средством обеспечения навигационных задач, но к ним же обращались за помощью при болезнях. Существует взгляд, согласно которому «иррациональное начало» подключалось, когда «рациональное» обнаруживало свою недостаточность для получения желаемого результата. Там, где наглядные чувственные связи действий прерывались, они дополнялись «идеальными», но выступали уже как сугубо реальные (Анисимов А.Ф., 1959б, с.320). Реальных фактических знаний никогда не бывает достаточно: всегда приходится домыслить

ливать, придумывать с помощью воображения. «Воображение же есть нечто иное, нежели утверждение и отрицание. Ведь истинное и ложное есть сочетание мнений. Что же отличает первично мыслимое от представлений? Или и другое мыслимое не представление, но без представлений оно не бывает... Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали в представлениях: ведь представления — это как бы предметы ощущения (aisthemata), только без материи» (Аристотель, с.440). Можно согласиться с философом Н.А. Бердяевым, что «объективированный мир подлежит рациональному познанию в понятиях, но сама объективизация имеет иррациональный источник» (Бердяев Н.А., 1991, с.297).

В современных исследованиях все более определенно развивается идея неразделимости народных знаний, мифологии и верований. Мы согласны с положением о том, что ни разделять, ни противопоставлять «прагматическое» и «идеологическое» в архаическом обществе невозможно (Путилов Б.Н., Штробах Г., с.8), так как никогда нельзя подтвердить или опровергнуть полностью любое представление человека.

Языковые и этнографические материалы указывают, что первоначально реалистическое и фантастическое были объединены на чувственной ступени познания одним общим стремлением уловить объективную связь отношений и свойств окружающего мира (см.: Анисимов А.Ф., 1959а, с.4, 88; Маковский М.М., 1996, с.9—28). Представления об этой связи могли развиваться лишь первоначально в форме отождествления природы и человека, духовная деятельность которого базировалась на чистой эмпирии, отличалась конкретностью и неразделимостью сторон диалектического целого.

Идея неразделимости «рационального» и «иррационального» в сознании является отличительным признаком всех создаваемых на раннем этапе культурного развития идеальных объектов, когда «производство вещей, промыслы, любая созидательная деятельность санкционировались не только реальными потребностями, но и ритуалом», и тогда регламентация, ритуализация и сакрализация носили всеобщий характер (Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагаляев А.М., Усманова М.С., 1987, с.113). Ритуал, являясь объективно и субъективно практической деятельностью, опосредованной в системе кодов, не в состоянии еще разграничить причинно-следственные связи, объективно существующие в мире, от порожденных неверно истолкованным опытом.

Народные знания тесно связаны со своеобразной мифологической «логикой», сложившейся в первобытном обществе. Немецкий исследователь мифологии и истории религии В. Вундт пришел к выводу, что «...эффекты страха и надежды, желания и страсти, любви и ненависти представляют повсюду распространенные источники мифа. Разумеется, они всегда связаны с представлениями. Но только они одни вдыхают в эти представления жизнь» (Вундт В., 1914, с.40). Сила эффекта дифференцируется затем на «чародейское и культовое действие», с одной стороны, и на творческую деятельность в сфере искусств — с другой. Таким образом, всякое мифотворчество происходит от эффекта и вытекающих из него волевых действий. И связь явлений определяется в уме первобытного человека (как и теперь в уме суеверного человека) не интеллектуальным интересом, а стремлением доставить удовольствие эффекту. Такую связь можно назвать причинностью.

Следствием этого явилось наивное очеловечивание природы, всеобщая персонификация, метафорическое сопоставление природных, социальных, культурных объектов. Природным объектам приписывались одушевленность, разумность, человеческие чувства, часто внешняя антропоморфность. Мифологическим персонажам могли быть присвоены черты животных, растений. Как отмечает Е.М. Мелетинский, мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, начала и принципа, т.е. происхождения и сущности. Диффузность проявляется в сфере воображения и обобщения (см.: Мелетинский Е.М., 1991, с.653—654). Этот особый тип «мышле-

ния» направлен не столько на вещи объективного мира, их генезис, качественные и количественные определенности, сколько на действия каких-то скрытых за ними абстрактных, сверхъестественных сил, подобных человеческим. Творение является таким представлением, которое весьма трудно вытеснить из народного сознания.

Мифотворчество — это важнейшее явление в культурной истории человечества, явление, господствовавшее над его духовной жизнью в течение десятков и сотен тысяч лет. Как отмечает И.М. Дьяконов, «миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Человеку с самых ранних времен приходилось не только реагировать на окружающее, но, поскольку он был *homo sapiens* — человек разумный, также и осмысливать его (Дьяконов И.М., 1977, с.9).

Известное высказывание К. Маркса о том, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» (Маркс К. и Энгельс Ф., 1955, с.24), получает подтверждение о целостности «двойственных знаний», характерных для архаичной стадии общественного сознания.

В философском аспекте народные знания (обыденный опыт) выступают в качестве определений обыденного сознания, самосознания и их предметов. Природа явилась результатом деятельности обыденного сознания и самосознания и результатом имманентного развития, или эволюции. Человек из опыта посредством разума получает народные знания. Поэтому, когда разум познает или наблюдает, он имеет уже заранее те предметы, которые возникли на стадии обыденного сознания или самосознания (Власов А.Д., 1997, с.210).

В отличие от науки обыденное сознание не поднимается до теоретического понимания действительности, а ограничивается рамками эмпирического опыта, закрепляется в традициях, нравах, обычаях (Келле В.Ж., Ковальзон М.Я., 1959, с.23—24). Философ Т.И. Ойзерман, соглашаясь с этим положением, подчеркивает, что обыденное сознание — весьма сложное, многослойное, противоречивое образование, складывающееся из совокупности привычных (постоянно воспроизводящих непосредственным условием жизни) восприятий, переживаний, представлений, понятий, которые возникают частью стихийно, частью под влиянием воспитания, обучения, личного опыта. В этом смысле обыденное сознание не может быть сведено к совокупности одних лишь эмпирических представлений (Ойзерман Т.И., 1967, с.120). Многообразии обыденного сознания так же, как и обыденного опыта, делает невозможной его однозначную оценку. С обыденным сознанием мы встречаемся повсеместно. Это прежде всего эмпирические представления, заключающие в себе часто относительные истины, часто — иллюзии и заблуждения. «Сознание, конечно, есть вначале осознание ближайшей чувствительно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида» (Маркс К. и Энгельс Ф., 1955, с.29). Обыденное сознание не поднимается до научного осмысления мира, оно не способно критически разобратся в своем собственном содержании: в нем сталкиваются реалистические и иррациональные представления. Последние могут быть и религиозными, и просто ненаучными или антинаучными. Предрассудки свойственны не только обыденному сознанию: история науки показывает, что их немало и в научных (или претендующих на научность) теориях.

Не существует людей — носителей только научного сознания, пожалуй, нет и таких, которые были бы носителями одного лишь обыденного сознания. Обе эти формы неотделимы друг от друга.

С одной стороны, человек создает «вторую природу», формирует свое научное сознание, с другой, — как существо, лишь ориентирующееся в окружающей его среде и приспособляющееся к ней, следуя уже проторенными путями, он становится носителем обыденного сознания, в котором самым причудливым, противоречивым образом сочетаются рассудок и предрассудок, действительные знания и иллюзии, реалистические и иррациональные представ-

ления. Обыденное сознание, складываясь на почве повседневного человеческого опыта, одухотворяется и на протяжении истории претерпевает коренные качественные изменения. Прежде всего вытесняются иррациональные представления. Идет сближение между обыденным и научным сознанием, что, однако, никогда не приведет к стиранию существенного различия между ними; активизация обыденного сознания, которое становясь все более разумным, нравственным, разборчивым, эстетически требовательным, самостоятельным, критическим, уже не просто приспособляется к научным условиям, но участвует в творческой деятельности человека, преобразующего мир (Ойзерман Т.И., 1967, с.130). По нашему мнению, сначала идет интенсивный процесс одухотворения сознания, затем его регресс.

Человек получает сведения о внешнем мире, в том числе и об общественных явлениях с помощью личного опыта и опыта своих предков, добытого в практической жизни и посредством науки. Первый способ в течение многих тысячелетий был единственным (Тугаринов В.П., 1971, с.137). Знания могут быть эмпирическими и теоретическими. Житейские знания и навыки, добытые внеучным путем, являются важной основой повседневного поведения человека. Они развиваются и обогащаются по мере прогресса научных знаний, в то же время последние вбирают в себя опыт обыденного познания. Мышление человека постоянно движется от поверхностного ко все более глубокому, существенному, всестороннему знанию. Концепция научного знания хорошо изложена К.А. Тимирязевым: «Задача физиолога не описывать, а объяснить природу и управлять ею, что его прием должен заключаться не в страдательной роли наблюдателя, а в деятельной роли испытателя, что он должен вступать в борьбу с природой и силой своего ума, своей логики вымогать, выпытывать у нее ответы на свои вопросы для того, чтобы завладеть ею и, подчинив ее себе, быть в состоянии по своему произволу вызывать или прекращать, видоизменять или направлять жизненные явления» (Тимирязев К.А., 1939, с.31).

Исходным источником народных знаний являются находящиеся в непосредственной связи с конкретной действительностью чувственные отношения человека к миру — зрение, слух, обоняние, осязание, мышление, созерцание и т.д. «Человеческая чувственность, таким образом, образует ту среду, в которой, как в фокусе, отражаются процессы природы и в которой они, воспламенившись, излучают свет явлений» (Маркс К. и Энгельс Ф., 1975, с.188). «У нас есть знание тогда, когда мы познаем причины» (Аристотель, с.97). Исходной элементарной клеточкой знания явились ощущения. В них содержится первичная информация об окружающем нас мире. По выражению Аристотеля, «... знание же есть в некотором смысле то, что познается, а ощущение — то, что ощущается» (Аристотель, с.439).

Сущность народных знаний проявляется в сфере человеческой деятельности. Она может быть либо теоретическая, либо практическая. Истоки народных знаний зарождаются в ритуальной деятельности, связанной с сакрализацией, т.е. с безусловной обязанностью выполнения тех или иных действий как неперемennого условия передачи коллективного опыта родовой группы. В литературе отмечается, что только в сакрализованном мире известны правила организации Космоса, относящиеся к структуре пространства и времени. Вне его — хаос, царство случайностей. При этом сакрализуется лишь то, что существенно важно, а именно проверенные коллективной практикой приемы деятельности, вызванные элементарной потребностью свести к минимуму вариантность неудач (см.: Маковский М.М., с.9—11). Однако в пределах развития человеческой цивилизации это реально лишь путем перехода к моделированию возможных ситуаций, когда происходит выход за пределы «вещи в себе» и возникает широкое представление о предмете и явлениях. В качестве моделирующих символических структур могут выступать разноплановые образования: язык, мифология, религия, искусство, наука и пр. (Каган М.С., 1974, с.5).

Деятельность людей или совокупность всех ее результатов связана с представлением о культуре. «Культура выражает родовую специфику человеческой деятельности, полагаемой как способ бытия людей вообще» (Давидо-

вич В.Е., Жданов Ю.А., 1979, с.70). Здесь имеется в виду, что культура есть не просто производство вещей и сознания в его абстрактных формах, а производство самого человека в деятельности и общественных отношениях. В интересующей нас связи заслуживает быть отмеченным мнение, что культура — это «сумма накопленных знаний, результирующих соответствующий уклад материальной и социальной жизни и мышление данного этноса, группы этносов или всего человечества» (Широкогоров С.М., 1923, с.15). Как и «собственно социальные» компоненты общественной жизни, культура, несомненно, должна рассматриваться и в историко-стадиальном плане, и в плане фиксации конкретной общности в определенном пространственно-временном континууме. Важным является региональный подход, который позволяет выделить локальные общности культуры (локальные культуры), в том числе этнические и историко-этнографические общности (Бромлей Ю.В., 1983, с.103). Мы исходим из теоретического понимания культуры как проявления умственной и психической деятельности человека, при помощи которых обеспечивается равновесие его в среде (природной, социальной и этнической).

Народные знания не существуют вне общества: ни в генетическом, ни в функциональном плане. Они им порождаются, его и обслуживают. Это фундаментальное свойство народных знаний концентрированно выражает саму суть их. Выделение указанного свойства позволяет рассматривать данную сферу культуры в предельно широком смысле — как атрибутивный признак любого общества безотносительно к уровню его развития.

Человеческие действия, как коллективные, так и индивидуальные, становятся возможными в результате актуализации механизма сознания. «Любая деятельность общества — практическая и теоретическая, материальная и духовная — наряду с творческим аспектом включает в себя аспект функционирования», т.е. «простого» воспроизводства традиционных стереотипов культуры, и аспект усвоения культуры, т.е. овладения уже существующими знаниями (Соколов Э.В., 1972, с.59—61). Деятельность людей есть целенаправленная активность, она стимулируется, мотивируется, программируется и реализуется. Таким образом, необходимым условием человеческой деятельности является целенаправленность преобразовательного процесса. Целенаправленность деятельности свидетельствует о том, что одним из главных условий и оснований является сознание. Философ А.Н. Арлычев считает, что «сознание следует понимать не просто как некоторое идеальное свойство человеческого мозга, но прежде всего как одну из сторон самой деятельности человека — идеальную сферу преобразования материальных форм» (Арлычев А.Н., 1992, с.14).

Культурологи общественное сознание рассматривают с двух сторон: «экстериорной», закрепленной во «внешней» деятельности и в ее результатах, и «интериорной», фиксированной в головах людей. К последней относят эстетические взгляды, этические убеждения, религиозные верования, представления и знания, фиксированные человеческим сознанием; материальное же оформление их за предметами психики людей в виде художественных произведений, поступков, обрядов и т.п. может быть отнесено к «объективированному сознанию» (Бромлей Ю.В., 1983, с.104). Знания, умения и т.п., сформировавшиеся прижизненно свойствами, которые по тем или иным причинам остаются необъективизированными, хотя в любой момент могут проявиться и внешне. Очевидно, есть основания и этот «потенциальный» слой общественного сознания причислять к «интериорной культуре».

На основе форм объективизации деятельности народные знания причисляют к духовной деятельности людей, т.е. к духовной культуре, таковая «слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (Тайлор Э.Б., 1989, с.18). Духовная культура представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой группы, передается от поколения к поколению путем рассказа или показа. К ней относятся все запечатленные в клетках мозга навыки, знания, нравы и обычаи, правовые нормы, различные виды искусства

и народного творчества, верования и т.д. (Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1971, с.165). Любой компонент духовной культуры должен объективироваться, найти свое материальное выражение (в форме письменности, речи, изображения и т.д.), что невозможно без физического и умственного труда. Многие продукты человеческой деятельности являются одновременно результатом как духовного, так и физического труда. По мнению М.С. Кагана, культура — это «продукт деятельности общества», все, что «творит субъект, осваивая мир объектов», а также «приемы, способы, процедуры, с помощью которых деятельность осуществляется» (Каган М.С., 1974, с.181, 184, 221).

Выделяют четыре основные подсистемы культуры: производственную, жизнеобеспечивающую, соционормативную и познавательную (Бромлей Ю.В., 1983, с.109). К первой сфере относят производство и воспроизводство материальных благ, орудий и пр., не связанных с потреблением. Культура жизнеобеспечения выполняет функции, относящиеся к социально-организованному удовлетворению первичных потребностей людей, связана с бытом. В соционормативную, обеспечивающую детерминацию и регуляцию человеческого поведения, включают такие институты, как право, мораль, обычаи, ритуал и т.д. К познавательной сфере культуры относятся как совокупность эмпирических и научных знаний, так и та область познания, которая осуществляется не рациональным, а эмоциональным, чувственным путем, через искусство в самых различных его проявлениях. При этом, как отмечает С.А. Арутюнов, «чем более ранним в формационном отношении является уровень общественного развития, тем больше элементов познавательной культуры выступает в религиозной оболочке и в синкретической форме» (Арутюнов С.А., 1989, с.167). По нашему мнению, народные знания обслуживают все вышеперечисленные подсистемы культуры. Особо выделяется этническая функция, выполняющая совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств культуры (Бромлей Ю.В., 1983, с.109). Последние сопряжены с остальными функциями культуры, нередко выступая фактически в качестве одной из их сторон. Особенно это относится к сигнификативной и коммуникативной функции культуры. Сигнификативная функция культуры выполняет роль как в объединении представлений одного этноса (этнической интеграции), так и в разграничении представлений различных этносов (этнической дифференциации). Что касается коммуникативной функции, то она обеспечивает характерные для каждого этноса информационные связи в сфере культуры, т.е. «передачу этнокультурной информации» (Бромлей Ю.В., 1983, с.110). На наш взгляд, эти положения применимы к функционированию народных знаний.

В Библии сказано, что «Прежде всего произошла Премудрость, и разумение мудрости — от века» (Книга Премудрости... 1991, с.796). Человек знанием в готовом виде не обладает, оно является результатом его познавательной деятельности. Он получает знания посредством разума из обыденного опыта.

Человеческая деятельность характеризуется двумя ее видами: материальной и идеальной, которые взаимно переходят друг в друга на основе информационного процесса. Причина эволюции народных знаний скрыта в образительном гении человеческого разума. Природа дает ему способность, а упражнение и практическое применение этой способности определяется ходом развития культуры (Плеханов В.Г., т.1, с.31). Способность человека воспроизводит в идеальной сфере информационные структуры объективных явлений действительности и конструирует абстракции, для которых в самой объективной действительности нет прототипа. С одной стороны, такая особенность идеального обуславливает неограниченные возможности творческой способности человека, но, с другой, — эта же самая способность содержит возможность порождения всевозможных заблуждений, лжи, неточностей и т.п. в идеальной сфере человеческой деятельности (Арлычев А.Н., с.144).

Универсализация функций познаваемой сферы культуры в равной мере относится к эмпирическому и научному уровню производства знаний. В том и другом случае оно требуется прежде всего для обеспечения процессов сознания и совершенствования соответствующих технологий, способствующих упо-

рядочению самой социальной системы и регуляции ее взаимоотношений с внешней средой. При этом имеется в виду не только природная, но и социально-историческая среда (Маркарян Э.С., с.72).

Любая форма жизни, любой тип организации живых систем стремится сохранить себя путем самовоспроизводства. Воспроизводство жизни — одна из важнейших предпосылок ее самосохранения, которое осуществляется непосредственно через процессы адаптации, т.е. приведения различных форм жизни в соответствие с изменяющимися условиями среды. «Адаптивная функция культуры, — считает Э.С. Маркарян, — непосредственно, логически выводится из самого определения культуры как способа человеческой деятельности, ибо сам феномен деятельности (в том числе и человеческой) имеет исходную адаптивную ориентацию» (Маркарян Э.С., с.98). Без этой ориентации ни одна форма жизни в принципе не была бы возможной. Культура служит для человека «средством адаптации к локальным природным и социальным условиям» (Арутюнов С.А., 1989, с.133). Выделение адаптивной функции позволяет заложить теоретический фундамент для народных знаний. На их основе создается направленный регулирующий механизм человеческой деятельности, ориентированной на упорядочение взаимодействия среды (географической, социальной и этнической) как целостной системы. Можно предположить, что в борьбе за существование у человека постоянно проявляется чувство самосохранения, порожденное интеллектуальной и психической деятельностью. В плоскости этих категорий происходят процессы дифференциации человека, проявлением деятельности которых является культура (сумма народных знаний), позволяющая ему дальнейшее размножение.

На изменение народных знаний через этнос оказывают большое влияние географические условия — климат, рельеф, флора и фауна. Исходя из локальной специфики проживания, этнос приспосабливается и становится частью среды. Он, используя и совершенствуя опыт предшествующих поколений, создает таким образом оригинальную систему жизнеобеспечения. Известно, что у народов тропиков и народов севера пути формирования народных знаний были довольно различными, но в конечном итоге направленными на развитие адаптации человека (Дмитриев В.А., Дмитриев С.В., с.46).

Усложнение народных знаний определяется преимущественно этносом, создавшего новые отношения в географической среде. Человек давно стремился проникнуть в космическое пространство. По представлениям народов Сибири, космос был заселен хозяевами родной земли и рода, мифическими героями и божествами (см.: Анисимов А.Ф., 1959а, с.31—88; Симченко Ю.Б., 1976, с.185—239; Грачева Г.Н., 1983, с.21—51). Как известно, шаманы «проникали» в космос при помощи закодированных духов-помощников и своих двойников, путешествующих во время камлания (Аврорин В.А. и Козьминский И.И., 1949, с.328—330). Подобные путешествия осуществлялись вполне осознанно. Этот факт замечен исследователем алтайского шаманизма Л.П.Потаповым. Он писал, что шаман «все время контролировал свое поведение, воссоздавал имеющимися у него средствами символическую картину путешествия и общения с духами и божествами, приписываемыми его двойнику» (Потапов Л.П., 1991, с.104).

Народные знания изменяются в зависимости от вторичной (социальной) среды. С.М. Широкогоров отмечает, что «при усложнении отношений этноса к вторичной среде на основе биологической сущности человека, как вида, рождается новая форма приспособления — социальная организация (Широкогоров С.М., 1923, с.124). В зависимости от темпа изменения вторичной среды может изменяться по принципу сохранения равновесия и социальная структура, нарушение же равновесия может даже грозить этносу гибелью.

Формирование народных знаний зависит от этнической среды. Этнос получает «импульсы изменений» от своих соседей, поднимающих стимул самосохранения. Как отмечает С.М. Широкогоров, «этнос вне этнической среды обречен на утерю внешних импульсов и в смысле упрощения своих отношений с внешней средой опускается до первобытного состояния». Межэтничес-

кая устойчивость определяется мощностью этносов и «суммой получаемых им импульсов изменений», для каждого этноса создавая соответствующую этому «межэтническую валентность». «Деление человека на этносы есть естественная функция, импульсирующая развитие всего человечества в целом» (Широгоров С.М., 1923, с.126).

Важнейшая черта народных знаний — историческая преемственность, заключающаяся в органическом единстве унаследованного от прошлых поколений социального опыта и социальной памяти, сохранившихся в виде традиций (т.е. системы определенных стереотипов поведения и деятельности человека или представлений о них) и неизменно возникающих новаций, более отвечающих новым условиям жизни народа. Новации в свою очередь при условии длительного существования постепенно становятся традициями. Традиционные элементы, сложившиеся в далеком прошлом, в ходе исторического процесса либо исчезают совсем, либо получают дальнейшее развитие и распространение в видоизмененной форме. Варьирование традиций интенсивно осуществляется в рамках определенной этнической общности, шире — в рамках определенной историко-этнографической области.

Жизненный опыт людей передается из поколения в поколение посредством культурной традиции. В ней происходит «обобществление» человеческого опыта. Благодаря традиции становится возможным перевод личного опыта в групповой, массовый, трансформация индивидуального и общечеловеческого достояния. Культурная традиция — это «выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» (Маркарян Э.С., с.154). Динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов социально-организованных стереотипов и образования новых. Трудно и долго придумывают люди стереотипы, но еще более трудно они разрушаются (Арнольдов А.И., 1993, с.131). Кумулятивность предполагает не только передачу во времени накопленного коллективного опыта, но и способность к прогрессивным модификациям, совершенствованию данного опыта, а также к его качественным трансформациям. Именно эту уникальную способность приобрели люди благодаря созданию совершенно определенной формы социального наследия — культурной традиции.

Традиции способны не только аккумулировать, но и консервировать социальный опыт. Этим объясняется преемственность и устойчивость традиций на протяжении длительного времени. «Традиции» в узком значении данного термина включают в себя переданные от поколения к поколению исторически сложившиеся и фиксированные общественным сознанием идеи, взгляды, представления, вкусы и т.д. (Бромлей Ю.В., 1983, с.134). Народные знания при этом можно рассматривать как некий феномен, а традицию — как механизм действия. Культурным традициям принадлежит чрезвычайно важная роль во всемирно-историческом процессе. Зафиксированные в них программы человеческой деятельности, концентрированно выражая исторический опыт этнических общностей, ориентированы на выживание этих общностей. Для этой цели они создают устойчивые, стабильные свойства внутренней (природной и социальной) среды. «Благодаря выраженной в информационных программах культурной традиции, предвидению условий обитания последующих поколений людей как раз и становится возможным адаптивное воспроизводство этих условий в простой или расширенной форме» (Бромлей Ю.В., 1983, с.131).

Народные знания, закрепляясь в сознании, несут компоненты культуры многих эпох в виде «общих» и «локальных» традиций. Общие традиции действуют на идентичные законы функционирования и развития общества, результатом чего может стать выработка сходных народных знаний у отдельных этносов. Кроме того, общности явлений в народных знаниях могут определяться единством их происхождения. Наконец, общность культурных явлений в народных знаниях может быть итогом взаимовлияния этносов. На основе всех явлений образуются как «сходные», так и «общие» культурные традиции в

народных знаниях этноса. Общие элементы исторического опыта могут повторяться в традициях многих народов (Маркарян Э.С., с.201). В локальных традициях фиксируется специфический жизненный опыт этнических общностей, отражающий индивидуальные черты их исторических судеб и особых условий существования. Народные знания любой этнической общности поддерживают стабильность и воспроизводство этой исторической общности, обладающей неповторимыми самобытными чертами. Общие и локальные культурные традиции находятся в нерасторжимом единстве. Эта взаимосвязь несет источник индивидуальной неповторимости культур, в том числе и народных знаний. Как отмечает С.А. Арутюнов, «отдельные культурные черты могут быть специфическими этническими (для какого-либо одного этноса), субэтническими (лишь для его определенной части, локальной или социальной); они могут быть и суперэтническими, распространенными на ряд этносов» (Арутюнов С.А., 1989, с.145).

Межпоколенная передача общественно-исторического опыта осуществляется только человеком. Как известно, индивид не рождается с теми или иными сложившимися чертами этнического характера. Он приобретает их в результате прижизненного усвоения (Леонтьев А.Н., 1961, с.30—31), так называемой социализации личности. Необходимо отметить, что архаическая эпоха трактует образование как неуклонное воспроизведение традиций и тем самым все силы направлены на обеспечение преемственности этой традиции.

Социализация как усвоение индивидом определенной системы знаний, опыта, социальных норм, этнокультурных установок, позволяющих ему стать полноценным членом общества, предусматривает не только целенаправленное воздействие на личность, т.е. воспитание, но и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на ее формирование. Народные знания обоснованно можно рассматривать как одно из средств воспитания в общем процессе приобщения детей и молодежи к культурному опыту старших поколений.

Необходимым условием существования знаний выступает такой социальный инструмент, как язык. В слове, в языке выражается мышление, в языке же оно и формируется, не может без него существовать. Вне языка можно говорить лишь об информации, но не о знаниях. Закрепленные в языке понятийно-логические абстракции и чувственно-наглядные образы имеют общественную значимость и используются в качестве знаний в дальнейшем ходе развития человеческой деятельности. «Не слово само по себе, — пишет С.Л. Рубинштейн, — а общественное накопленное знание, объективизированное в слове, является отражением сознания» (Рубинштейн С.Л., 1957, с.275). Понятийно-логические абстракции благодаря письменности закрепляются в языке и приобретают самостоятельный статус существования, образуя мир «идеальных сущностей», которые независимы от своих прародителей (авторов всевозможных идей, теорий и т.п.). Очевидно, чувственно-наглядные образы являются носителями информации и производят «бесчисленные конструкции чувственного характера вплоть до образования всевозможных фантастических слепков» (Арлычев А.Н., с.121). Лингвисты считают, что любой действительный акт мышления есть единство наглядно-образного и понятийного (Легостаева О.В., 1990, с.45). На наш взгляд, точнее говорить о взаимном (двустороннем) дополнении языка и мышления, ибо не только язык дополняет мышление, но и мышление (в частности, в образной форме) содержит информацию, отсутствующую в языке.

Язык в форме знаковой системы (символ, индекс, иконический знак) в процессе общения между людьми выполняет три функции: стимулирующую, операционную и коммуникативную. Языковые знаки «обнаруживают три основных вида знакообразования, три различных «репрезентивных свойства», которые основаны на разных взаимоотношениях между означающим и означаемым» (Якобсон Р.Е., 1983, с.103—104).

По своему социальсу и способу функционирования знания в языковой форме являются генеральным феноменом, высшей формой проявления информации. Они не могли бы выполнять роли средства передачи информации и

средства общения, если бы не были связаны с концептуальной картиной мира и содержательной структурой. Филолог М.М. Маковский на основе исследования связей языка, мифа и культуры приходит к важному для нас выводу: «Реальная действительность отражается в виде картины мира, которая структурируется при помощи и посредством модели мира, а эта последняя в свою очередь репрезентируется и субъективизируется с помощью семантической системы второго порядка, в частности языка (Маковский М.М., 1996, с.17). Функционально картина мира генерирует все акты человеческого мировосприятия и миропредставления, она способствует тесной связи и единству знания и поведения людей в коллективе. При этом такая генерализация предполагает тенденцию к унификации плюралистического видения действительности, осуществляемую в рамках кодифицирующей действительности этноса. Таким образом, реальная действительность отражается в сознании в виде картины мира, которая структурируется при помощи и посредством модели мира.

Как показано выше, народные знания фиксируются в сознании в форме знаков естественных и искусственных языков. Языковые знаки в процессе общения между людьми способны вызывать представления в психике человека и переносить информацию от человека к человеку. Родной язык, дифференцирующий восприятие человеком звуков из окружающей среды, «тесно связан с формированием уникальной культуры и психического склада каждой этнической группы» (Барабин Г., 1982, с.12). Отмечено, что звуковой язык может выступать в качестве «адаптивной асимметричной семпотической системы», которая может быть предметом возможного человеческого опыта, а также являться почвой как для мыслительных и эмоциональных обобщений, так и для практической деятельности» (Маковский М.М., с.21).

Итак, становится очевидным наличие этнической специфики в содержании обыденного сознания. Стереотипы поведения прежде всего фиксируют типичные для этноса понятия, умения, нормы поведения, знания. Эти стереотипы, представляя «пограничную зону» общественного сознания (на его обыденном уровне) и традиционной культуры, выполняют важную функцию в воссоздании типичных для каждого этноса свойств, создают «представления человека об окружающей действительности, себе самом, своих отношениях к этой действительности и окружающим людям, т.е. так называемые модели мира. Они, в частности, включают в себя усвоенные в процессе социализации знания и убеждения, к которым человек апеллирует как к истинным и объективным» (Бромлей Ю.В., 1983, с.171).

Кроме этого, имеется еще одна характерная особенность общего обыденного сознания этноса — наличие в ней, как и в обыденном сознании каждого человека, слоя, сформировавшегося безотчетно-стихийно. Этот слой охватывает всю сферу представлений, взглядов, привычек и норм поведения, слабо контролируемых или совсем не контролируемых разумом (Бромлей Ю.В., 1983, с.171). По нашему мнению, этническое своеобразие, как известно, проявляется в большей степени в сфере эмоционального, а не рационального, в области чувств, а не разума. Это обстоятельство следует учитывать при рассмотрении этнокультурных черт в народных знаниях.

По Аристотелю, чтобы «избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» (Аристотель, т.1, с.69). Неизбежен исторический ход развития человеческих знаний. Сначала человек ценит знание лишь как орудие для приобретения возможностей суммы материальных наслаждений, и только при позднейшем развитии знание само становится источником наслаждений; умственный аппетит вступает в такие же права, как аппетит материальный. Знание как средство — это искусство; знание как цель — это наука (Тимирязев К.А., 1939, с.32). Из этого следует, что народные знания выполняют цели чисто практического порядка. Наука стремится к познанию ради самого познания.

В историко-психологическом плане становление и развитие народных знаний связано с эволюцией познавательных особенностей человеческого мышления. Здесь принимаются во внимание все логические процессы созна-

ния в целом. Психологическое содержание опыта складывается из чувственных элементов, эффектов, волевых процессов, представлений. При этом каждое представление является некоторым данным вне сознания образованием. Этнограф С.М. Широкогоров характеризует процесс познания следующим образом: «Как духи анимиста, так и законы науки есть лишь способы объяснения явлений, познаваемых человеком, и разница между ними сводится к количественной разнице зафиксированных сознанием звеньев познавательного процесса. Таким образом, анимизм, высшие религия и наука являются лишь стадиями развития мышления, рассматривающего мир не как восприятие познания человека, но как объективно существующие и не зависящие от человека категории» (Широкогоров С.М., 1919, с.9). Из всего сказанного выше следует, что в психологическом аспекте народные знания составлены из элементов ощущений и представлений. При этом представления менее устойчивые образования, которые могут исчезать из поля сознания, как исчезают из поля зрения соответствующие им внешние объекты (могущие при случае всплыть снова в неизменном виде).

Система народных знаний субъективизируется в обыденном сознании произвольно и хаотично, лишена пространственно-временной обусловленности. Предметом знания служило не само знание, а чувственные качества (достоверность), вещи, явления, стихийные силы природы и т.д. Как свидетельствуют современные данные этнографии, представления наименее развитых племен были предметны и конкретны и чаще не шли дальше абстракций среднего уровня. «Установление связи между тем, что думали и делали нецивилизованные древние люди, и тем, что думают и делают современные цивилизованные люди, не является предметом лишь теоретической науки. Такого рода исследования показывают нам, в какой мере представления и поступки современных людей опираются на прочную основу сегодняшних знаний и в какой мере они являются продуктом знаний, которые возникали на ранних и более примитивных стадиях развития культуры. Необходимо доказать, что древнейшая история человека оказывает влияние — хотя это часто не признается даже теми, кого ближе всего касается — на некоторые из самых глубоких и жизненных вопросов нашего бытия» (Тайлор Э.Б., 1989, с.502—503).

Вместе с накоплением эмпирического и теоретического материала начинается его комплексное освоение. Первые попытки сознательной систематизации знаний известны в европейской культуре с эпохи античности. Великий мыслитель и не менее великий систематизатор знаний Аристотель создал в IV в. до н.э. фундаментальную классификацию наук, разделив их на теоретические (учение о бытии, его частях, причинах и началах), практические (учение о человеческой деятельности) и поэтические (учение о творчестве и различных видах искусства). Совокупность перечисленных выше наук получила название философии. Учение Аристотеля оказало большое влияние на последующее развитие науки и было основополагающим как на Западе, так и на Востоке вплоть до эпохи Возрождения. В ней с классической четкостью были сформулированы принципы разделения наук по методу и сфере приложения. На Востоке в середине века наследие Аристотеля основательнее всего развил Ибн-Сина (известный в Европе под латинизированным именем Авиценны), на Западе — Фома Аквинский.

Как и другие явления культуры, народные знания не остаются неизменными, хотя отдельные признаки их могут удерживаться в течение длительного времени. Они всегда в движении: усложняются или упрощаются, утрачивают одни и приобретают другие черты в зависимости от той или иной конкретной исторической обстановки, в условиях которой происходит их бытование. Говоря словами Л.Г. Моргана, «мы имеем все основания не забывать, что нашими современными условиями жизни мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и упорному труду наших варварских и еще более отдаленных диких предков» (Морган Л.Г., 1934, с.330). Человечество накопило сумму народных знаний и на их основе создает культуру приспособления к среде.

Таким образом, в этнографическом аспекте народные знания — это духовный творческий продукт этнических традиций, обеспечивающий равновесие этносу во взаимосвязи структур среды — географической, социальной и этнической. Они удовлетворяют практические и духовные запросы людей. Основная их функция состоит в воздействии на духовный мир человека, на его психику и мировоззрение. Будучи явлением идеальным знания не поддаются прямому наблюдению, их рассмотрение возможно лишь как реконструкция на основе изучения результатов той или иной осмысленной деятельности. Существенные этнические черты народных знаний могут быть вскрыты только на основе представлений о картине и модели мира, которые в свою очередь реконструируются в мифологии и верованиях.

Народные знания также исследуются в рамках традиционно сложившихся естественных наук (ботаника, медицина, метеорология, метрология, география и др.). Следует отметить, что общие понятия о народных знаниях как определенном феномене традиционной культуры сложились в этнографии в XVIII в. Первые исследования отдельных областей традиционного опыта стали предприниматься лишь в середине XX в. Народные знания, представляющие собой чрезвычайно сложное многоплановое явление культуры, являются для науки многоликой проблемой, в решении ее этнография может сыграть важную роль. Задача этнографа — собрать фактический материал, который может быть использован представителями различных наук. Вместе с тем этнография может обработать собранный материал и в собственных интересах рассматривать народные знания как историко-культурное явление, возникшее в конкретной этнической среде. Являясь древнейшим пластом культуры, народные знания служат ценным источником информации для решения сложных проблем этногенеза и этнической истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В.А., Козьминский И.И. Представления о роцех о Вселенной, о переселениях душ, о путешествиях шаманов, изображенных на «карте» // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т.11.
- Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.; Л., 1959а.
- Анисимов А.Ф. О наивном реализме первобытных людей // Ежегодник музея истории, религии и атеизма АН СССР. М.; Л., 1959б. Т.3.
- Аристотель. Метафизика. О душе // Соч.: В 4 т. М., 1976. Т.1.
- Арлычев А.Н. Саморегуляция, деятельность, сознание. СПб., 1992.
- Арнольдов А.И. Введение в культурологию. М., 1993.
- Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Барабин Г. Родной язык и мозг: Интересное открытие японского экспериментатора // Курьер ЮНЕСКО. 1982. Март.
- Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991.
- Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Власов А.Д. Словарь по философии Гегеля: Феноменология духа. М., 1997.
- Вундт В. Миф и религия. СПб., 1912.
- Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (по материалам нганасан XIX — начала XX в.). Л., 1983.
- Грипендрог Г., Руднев В.В. Метрология народная (этнометрология) // Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991.
- Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов-на-Дону, 1979.
- Дмитриев В.А., Дмитриев С.В. Знания народные // Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991.
- Дьяконов И.М. Введение // Мифология древнего мира. М., 1977.
- Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982.
- Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.
- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Формы общественного сознания. М., 1959.
- Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1987. Т.1. Ч.1.

- Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова // Библия, или Книга священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1991.
- Льгостаева О.В. О взаимосвязи языка и мышления // *Философские науки*. 1990. №2.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири как предмет этнографического исследования (к постановке вопроса) // *Традиционные верования и быт народов Сибири XIX — начало XX в.* Новосибирск, 1987.
- Маковский М.М. Язык — миф — культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996.
- Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.
- Маркс К и Энгельс Ф. О различии между физикой Демокрита и физикой Эпикура в частности // *Соч.:* В 50 т. М., 1975. Т.40.
- Маркс К и Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // *Соч.:* в 50 т. М., 1955. Т.3.
- Маркс К и Энгельс Ф. *Метод политической экономии* // *Соч.:* в 50 т. М., 1958. Т.12.
- Мелетинский Е.М. *Общее понятие мифа и мифологии* // *Мифологический словарь*. М., 1991.
- Морган Л.Г. *Древнее общество*. Л., 1934.
- Ойзерман Т.И. *Философия и обыденное сознание* // *Вопр. философии*. 1967. №4.
- Подмаскин В.В. *Народные знания удэгейцев: Ист.-этногр. исследование по материалам XIX—XX вв.* Владивосток, 1998.
- Потапов Л.П. *Алтайский шаманизм*. Л., 1991.
- Плеханов Г.В. *Литература и эстетика* // *Соч.:* В 2 т. М., 1958. Т.1.
- Путилов Б.Н. Штробах Г. *Введение* // *свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство*. М., 1991.
- Рубинштейн С.Л. *Бытие и сознание*. М., 1957.
- Симченко Ю.Б. *Культура охотников на оленя Северной Евразии: Этногр. реконструкция*. М., 1976.
- Соколов Э.В. *Культура и личность*. Л., 1972.
- Тайлор Э.Б. *Первобытная культура*. Пер. с англ. М., 1989.
- Тимирязев К.А. *Жизнь растений*. М.; Л., 1939.
- Тугаринов В.П. *Философия сознания (современные вопросы)*. М., 1971.
- Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. *Народы, расы, культуры*. М., 1971.
- Широкогоров С.М. *Опыт исследования основ шаманства у тунгусов* // *Уч. зап. ист.-филол. фак-та Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 1919. Т.1. Отд.1.*
- Широкогоров С.М. *Место этнографии среди наук и классификация этносов*. Владивосток, 1922.
- Он же. *Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений* // *Отдельный оттиск из Известий восточного факультета Дальневосточного государственного университета. Шанхай, 1923. Т.37.*
- Якобсон Р. *В поисках сущности языка* // *Семиотика*. М., 1983.

SUMMARY. The article of Candidate of Historical Sciences V. Podmaskin is called «Folk Knowledge as a Subject of Ethnology». The author states that such spiritual creative product of ethnic traditions secures the balance of the ethnic community in correlation with structures of surrounding — geographic, social and ethnic ones. This phenomenon satisfies practical and spiritual requirements of the people. Its basic function is in influence on Man's spiritual world, its state of mind and world outlook.

Folk-knowledge is also studied in traditional sciences (biology, medicine, meteorology, geography, etc.), the subject of which is concrete data in life experience.

It must be underlined that general conceptions of folk knowledge as a definite phenomenon of traditional culture were worked out in ethnography in the 18th century. The first investigations of some fields of traditional experience were done only in the middle of the 20th century. Folk knowledge represent an extremely compound culture phenomenon, having many aspects. This is a complex scientific problem and ethnology can be of special importance while studying it.